

УДК 930.2
ББК 63.3 (2Рос=Калм)

**АНОНИМНОЕ «СКАЗАНИЕ О ДУРБЭН-ОЙРАТАХ»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК***

В. П. Санчиров

Из обнаруженных в XX в. ойратских исторических сочинений самым ранним по времени обнаружения и введения в научный оборот является «Сказание (повесть) о дурбэн-ойратах» неизвестного автора. Впервые о его существовании сообщил академик Б. Я. Владимирцов в 1927 г. в своей статье «Монгольские сказания об Амурсане», в которой содержатся небольшие отрывки пересказов на русском языке [Владимирцов 1927: 271–282; 2002: 272–279]. Б. Я. Владимирцов писал: «В бытность свою в 1913 г. в Западной Монголии мне пришлось списать одну небольшую книжку, содержание которой составляет история ойратов и Амурсана. По словам местных грамотеев и любителей старины, поведание это было написано неким Дамбо тайджи хошуна баитского чин-вана, прежнего баитского цзюнь-вана, вероятно, в половине XIX века» [Владимирцов 2002: 274].

Ойратское название этого сочинения — «Дербэн Ойирдийин түүкэй туужу кэмэн (кэмэку) орошибой» [«Сказание (повесть) о дурбэн-ойратах»]. Оно было опубликовано в 1976 г. в Улан-Баторе монгольским ученым Х. Лувсанбалданом в сборнике «Тод үсгийн дурсгалууд» («Памятники на „ясном письме“») [Тод ... 1976]. Данное издание подготовлено на основе трех рукописных списков «Сказания», два из которых хранятся в фонде рукописных книг на «тодо үсэг» Института языка и литературы Монгольской Академии наук, а третий список — в Государственной публичной библиотеке в г. Улан-Баторе. Первый из двух спи-

сков имеет ойратское название и относительно хорошую сохранность текста. Его Х. Лувсанбалдан обозначил литерой А и издал фототипическим способом в оригинале [Тод ... 1976: 331–347] и в латинской транскрипции [Тод ... 1976: 348–377]. Второй список, который Х. Лувсанбалдан обозначил литерой В, сохранился намного хуже, чем первый, однако, несмотря на плохое качество, он содержит больше сведений. Эти пассажи, которые отсутствуют в первом списке, Х. Лувсанбалдан поместил в квадратных скобках в соответствующих местах в латинской транскрипции текста «Сказания» [Тод ... 1976: 13].

Хуже всего сохранился третий список, в котором отсутствует часть текста в конце. Как отмечает современный монгольский исследователь На. Сухбаатар, «во всех этих рукописных списках обнаруживается, что в них при переписке пропущены слова и буквы» [Ойрад ... 2001: 20].

Текст, опубликованный Х. Лувсанбалданом, был переиздан с некоторыми исправлениями и комментариями в КНР в 1985 г. в г. Хух-Хото на старописьменном монгольском языке в сборнике «Ойратские исторические источники» [Oyirad ... 1985]. В 1992 г. этот сборник был перепечатан в Урумчи на ойратском языке [Oyirad ... 1992]. В 2001 г. текст «Сказания» был издан в Улан-Баторе на кириллице На. Сухбаатаром в первом томе трехтомного издания «Источники по истории ойрат-монголов» [Ойрад ... 2001: 19–81].

Автор данного исторического сочинения в нем не назван. В ходе дальнейшего

* Исследование выполнено по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» подпрограммы «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.).

изучения «Сказания» высказанное Б.Я. Владимирцовым мнение о его авторе и о времени его написания не получило подтверждения. Напротив, анализ содержания этого источника и тот факт, что в нем много места отводится рассказу о дербетских князьях и их взаимоотношениях с правителями Джунгарского ханства накануне его крушения, позволяют согласиться с мнением составителей сборника «Ойратские исторические источники» о том, что автором «Сказания о дурбэн-ойратах» является «какой-то ученый лама из дербетов» [Oyirad ... 1985: 288]. В справедливости этой точки зрения убеждает и тот факт, что анонимный автор весьма лояльно относится к маньчжурскому императору, связывая с его правлением установление мира среди ойратов. Известно, что из всех ойратских этнических подразделений именно дербеты, откочевав за пределы Джунгарского ханства, меньше всего пострадали во время цинской экспансии в Центральной Азии в середине XVIII в. Из того факта, что автор сообщает некоторые подтверждаемые другими источниками сведения о событиях 1750-х гг., видно, что он жил в это время и сам был очевидцем некоторых из этих исторических событий. Однако он, будучи дербетом, по-видимому, во время последней ойрато-цинской войны находился вне Джунгарского ханства и поэтому ничего не говорит о военных действиях на его территории. Поэтому вполне обоснованно можно предположить, что «Сказание о дурбэн-ойратах» было написано вскоре после описываемых событий, т. е. в 60–70-е гг. XVIII в.

Что касается содержания «Сказания о дурбэн-ойратах», то оно не имеет четко выраженной структуры и написано без какого-либо определенного плана. О «лоскутном» характере его структуры свидетельствуют многочисленные сюжеты, затронутые достаточно бегло:

- 1) о народах, населяющих, согласно буддийской космологии, четыре материка в мировом океане, и о степени их приверженности учению Будды;
- 2) о том, как «Желтая вера» распространилась в разных местностях;
- 3) о том, как тангуты (тибетцы) удержали у себя объявившегося у ойратов перерожденца-хубилгана по имени Зу-Адиша;
- 4) о том, как ойраты расселились в разных местах;
- 5) о составе ойратов (XVII в.);
- 6) о том, как рабджимба Зая-пандита приехал после учения в Тибете и создал «ясное письмо», о его переводческой деятельности;
- 7) о пользе чтения таких ойратских сочинений, как «Великая пространная история» («Йэке дэлгэр түүкэ»), «Биография Зая-пандиты» («Лунный свет») и других источников;
- 8) о бегстве Кундулэна-Убаши в Россию;
- 9) о происхождении и рождении ойратского князя Амурсаны, возглавившего национально-освободительное движение в Джунгарии в середине XVIII в.;
- 10) о пребывании Амурсаны в России;
- 11) о том, как хана Даваца (Дабачи), когда он боролся с маньчжурами, покинули остальные сподвижники;
- 12) о том, как ойраты дважды ходили войной на Тибет;
- 13) о том, как часть ойратов под предводительством некоего Мокдши покинула родные места и стала кочевать между Россией и Турцией;
- 14) о баитском силаче Бату-Мөнгэ и о его знакомстве с Амурсаной;
- 15) о том, как маньчжурский военачальник Саруул-джанджин преследовал Амурсану;
- 16) о будущем возвращении на родину Амурсаны;
- 17) о ранних дурбэн-ойратах (XV в.);
- 18) о казахском хане Аблае;
- 19) о силаче (бөк) Тэмээн-Харе;
- 20) о том, как ойраты ходили войной на Тибет, и о том, как укротили приверженцев красношапачной секты;
- 21) о том, как войско Джунгарского ханства напало на Халху в 1731 г.;
- 22) о том, как маньчжурский хан прислал посла;
- 23) о сыне торгутского Аюки-хана Санджабе;
- 24) о составе дурбэн-ойратов (XVI в.);
- 25) о борьбе за трон джунгарского хана в 1740-х гг.;
- 26) о том, как дербеты и баиты договорились откочевать из родных мест и перейти на сторону маньчжуров;
- 27) о предательстве некоторых дербетских и баитских князей;
- 28) о том, как дербеты бедствовали, перейдя на сторону маньчжуров, и кочевали в разных местах, пока не нашли себе кочевья;

- 29) о том, как торгутский Шэрэнг-тайджи изменил и бежал к калмыкам;
- 30) о маньчжурской армии, завоевавшей джунгаров;
- 31) о предательстве Амурсаны и о том, как он поступил с воинами, преследовавшими его;
- 32) об основании города Кобдо и тамошнем амбане;
- 33) о том, как подняли мятеж шесть дербетских тайджи;
- 34) о том, как дербеты обосновались в Улангоме и зажили там в благоденствии, занимаясь хлебопашеством.

Как мы видим, это сочинение, несмотря на свое название, не может быть отнесено к жанру летописей или хроник. Примечательно и полное отсутствие в нем генеалогических списков или родословных, что не характерно для произведений монгольской и ойратской традиционной историографии. В «Сказании о дурбэн-ойратах» причудливо переплелись исторические легенды и предания, устные рассказы о знаменитых ойратских деятелях, силачах и т. д., навеянные воспоминаниями о реальных исторических событиях.

Рассказ о событиях, происшедших до рождения автора, сводится к беглому и довольно невнятному изложению буддийских космологических представлений и истории распространения буддизма в Индии, Тибете и Монголии. Здесь же он приводит некоторые факты из жизни и проповеднической деятельности знаменитого ойратского Заяпандиты (1599–1662). Для более подробного знакомства с описываемыми здесь событиями автор отсылает своего читателя к таким сочинениям, как биография Заяпандиты «Сарын гэрэл» («Лунный свет»), «Йэкэ дэлгэр түүкэ» («Большая пространная история»), «Йэкэ үлгүрийин далай» («Великое море притч»).

Достоверную картину событий в последний период существования Джунгарского ханства (1635–1758) можно найти в отечественных работах, которые написаны на основе сведений, извлеченных из русских архивных документов [Златкин 1964; Моисеев 1991; 1998]. Нам известна китайская официальная версия событий, представленная в цинских исторических сочинениях XVIII–XIX вв. [Санчилов 1990]. В данном же случае мы имеем дело с оценками и взглядом на события рядового члена ойратского общества, сталкиваемся с трансфор-

мацией реальных исторических событий в устной народной традиции. Наш источник был написан вскоре после драматических событий, разыгравшихся в Джунгарском ханстве, и полон трагических предчувствий.

Сопоставление этих трех версий одних и тех же событий может быть полезным при исследовании вопроса о том, как развивались идеи исторического познания у монголов и ойратов, а также при реконструкции событий в судьбоносный период ойратской истории. При этом следует учитывать то обстоятельство, что сведения о какой-либо исторической личности, сохранившиеся в устной народной традиции и в письменных источниках, могут довольно сильно расходиться с исторической реальностью. Так произошло в нашем сочинении с образом героя антиманьчжурской борьбы в 50-х гг. XVIII в. ойратского князя Амурсаны¹.

Амурсана был одним из претендентов на ханский трон в ослабленном феодальными усобицами Джунгарском ханстве в последние годы его существования. Обратившись за помощью к маньчжурскому императору Цяньлуну, он принял подданство Цинской империи в 1755 г. и при поддержке цинских войск сверг с престола своего соперника Даваци. За заслуги перед цинской династией он получил титул цинь-вана и был назначен помощником командующего армией, выступившей на войну с джунгарами. Увидев, что его планы установить единоличную власть в Джунгарском ханстве потерпели крах, Амурсана поднял восстание против маньчжурских завоевателей. К нему примкнули многие ойратские князья, в том числе и те, кто, подобно ему, ранее перешел на сторону цинского императора.

Академик Б. Я. Владимирцов, занимаясь собиранием и изучением ойратского фольклора, использовал легенды и предания об Амурсане, записанные до него некоторыми европейскими путешественниками, а также сказания об этом ойратском князе, собранные им самим от разных лиц во время его пребывания в Западной Монголии в 1908, 1911 и 1913 гг. Он писал: «Народная память сохранила лишь немногие черты истинного Амурсана, ему простили многое: его вероломство, нетвердость и непостоянство во взглядах и симпатиях, его честолюбие; народная память остано-

¹ Богатый документальный материал о князе Амурсане содержится в русских архивохранилищах [Златкин 1958].

вилась на одном моменте его бурной жизни — на борьбе с манджуро-китайцами, она приукрасила поступки своего героя и сделала его последним борцом за независимость, за независимое и славное существование ойратского племени. И Амурсана превратился в идеальный образ, о котором мечтали, которого хотели иметь в прошлом и будущем, хана-вождя народа, вождя славных „четырёх ойратов“» [Владимирцов 2002: 272].

Уже во второй половине XVIII в. предание об Амурсане подверглось литературной обработке и письменной фиксации в «Сказании о дурбэн-ойратах». Примечательно, что обе версии, устная и письменная, как отметил Б. Я. Владимирцов, «с особым вниманием останавливаются не на подвигах своего героя, а на его будущем возвращении к родному народу» [Владимирцов 2002: 276]. Ойраты, пережившие в середине XVIII в. национальную трагедию (гибель своего государства — Джунгарского ханства — и истребление наиболее многочисленной этнической группы джунгаров), не смирились с диктатом чужеземных захватчиков. Они связывали надежды на лучшее будущее с именем Амурсаны. Эта вера поддерживалась в народе полтора столетия и вылилась в 1912 г. в крупное народное движение в Западной Монголии.

Если использовать «Сказание о дурбэн-ойратах» как исторический источник, то оно не восстанавливает фактической канвы

событий, но в своей совокупности помогает взглянуть как бы изнутри на события 30–50-х гг. XVIII в. в Джунгарии, непосредственно предшествовавшие крушению Джунгарского ханства. Следует отметить, что в нем отразились идеализированные оценки отдельных событий и лиц и историческое мышление народа, довольно архаичное и упрощенное.

Литература

- Владимирцов Б. Я. Монгольские сказания об Амурсане // Восточные записки. Т. 1. Л., 1927. С. 271–282.
- Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. М.: Наука, 1958. С. 289–313.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 470 с.
- Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. 176 с.
- Санчилов В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 137 с.
- Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – I. Эмхтгэж, тод болон худам монгол бичгээс кирил бичигт буулган, тайлбар хийсэн На. Сухбаатар. Улаанбаатар, 2001. С. 19–81.
- Тод үсгийн дурсгалууд / ред. проф. Лувсандэндэв. Улаанбаатар, 1976. С. 331–377.
- Oyirad teüken surbulji biçig. (Серия: Oyirad soyol-un degeji). Öbör Mongol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. X. 267–305.
- Oyirad tüükiyin surbulji biçiq. Šinjijang-giyin aradiyin kebleliyin qorõ, 1992. X. 272–313.

УДК 94«04/14»

ББК 63.3 (2Рос=Калм) + (2Рос=Тат)

КУЧУМОВИЧИ И КАЛМЫКИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕЗАЛЪЯНС

В. В. Трепавлов

26 октября 1582 г. сибирского хана Кучума постиг сокрушительный, полный разгром от казачьего отряда Ермака на Чувашском (Чувашевском) мысу, под стенами своей столицы Искера. На протяжении многих лет он скитался в степях, нападая на свои бывшие владения и неоднократно терпя поражения от русских войск. Окончательно он был разбит на р. Оби в августе 1598 г., бежал в Ногайскую Орду, где и умер около 1601 г. Место покойного хана заняло его воинственное потомство. В Западной Сибири,

Башкирии и на севере казахских степей началась эпоха Кучумовичей.

Хотя мечты о возрождении татарской монархии в Сибири никогда не оставляли ханскую семью, она была поставлена в такие условия, что зачастую приходилось думать не столько о вооруженной борьбе с превосходящими силами воевод, сколько о выживании. Жизнь потомков Кучума в степях можно в целом охарактеризовать как «прозябание» в окружении немногочисленных верных подданных и постоянно меняю-